

УДК 17.89

К.А. Мятыгина (6 курс, каф. ТВН), Д.Н. Козырев, к.ф.н., доц.

ЧЕЛОВЕК, ТЕХНОКРАТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ, НАУКА

Идея прогресса возникла в эпоху Просвещения. В те годы казалось, что вооружённый научным разумом человек будет неуклонно - ступень за ступенью - подниматься к состоянию идиллии. Время остудило надежды. Сейчас более уместным представляется другой образ: прогресс - это подъём по лестнице, движущейся вниз.

Дело не только в том, что усиление власти над природой обернулось реальной угрозой экологической катастрофы. Цивилизация осознала себя смертной. Озоновые дыры, таяние ледников, истощение почв - это, без сомнения, знаки тяжелейшего кризиса. Но есть и другой, неяркий, но горький плод полученной власти. Ещё древние предупреждали, что наслаждение властью опустошает. Современный человек стремительно теряет человечность - и соглашается с этой потерей, ссылаясь на "силу вещей", на закон научно-технической эпохи. Ответная реакция выражается в критических нападках на науку как на способ познания мира. Насколько правомерными являются обвинения в её адрес? Обратимся к истории проблемы.

Тонкий баланс между различными сферами духовной культуры был нарушен именно в эпоху Просвещения. Религия, веками вбиравшая в себя моральный опыт человечества, была объявлена досадным предрассудком, который следует вычеркнуть из сферы интересов образованного человека. Одновременно резко занижалось познавательное значение искусства и философии. Научное знание как путь к достижению счастья стало рассматриваться в качестве верховного блага. Всё, что не научно - иллюзорно. В этих положениях - суть идеологии сциентизма, сыгравшего роковую роль в новейшей истории. Давно отмечено, что научное знание оперирует фактическими, а не оценочными суждениями. Значит, сдвиг в сторону культа фактов может иметь вполне определённые нравственные следствия. За двести лет ориентиры существенно сместились: так, если в XVIII веке М.В.Ломоносов считал "испытание натуры" святым, поскольку оно возвышает душу к "бездне, полной звезд", то для другого русского учёного - А.А.Богданова (XX век) наука самоценна из-за того, что "у человечества нет иных задач, кроме организационных".

Сциентизм рисует схематичный, почти шаржированный образ человека: человек прозрачен, поскольку любой его шаг задан логикой решения конкретной задачи. Более того, человек принципиально "вычислим", поскольку его поступки определяются, в соответствии с принципом детерминизма, его предшествующими состояниями. В итоге гордый исследователь природы предстаёт в виде хорошо спроектированного механизма, винтика в огромной машине мира. Научная рациональность стала пониматься упрощённо-наступательно - как "техника овладения природой" (по выражению П.П. Гайденко). Вопрос "зачем?" молчаливо отменяется; мышление сосредотачивается на другом вопросе: "как эффективнее?" Проекция подобной рациональности на гуманитарную сферу представляет собой крайнюю, сгущённую форму сциентизма - технократизм.

Итак, мост между наукой и технократическим мышлением наведён идеологией "наукопоклонства". Технократизм как мировоззрение строится на расчётливой безжалостности по отношению к природе. Ему присущи своеобразный культ жёсткой необходимости и пренебрежительное отношение к этическим оценкам применяемых для достижения цели средств. Такое мышление уже не видит в человеке меру всех вещей. Мерой становятся принципы организации аппаратов, и в результате с человека совлекается ореол свободы и тайны. Он становится доступным программированию объектом.

Очевидно, что бездумным, автоматически живущим индивидом манипулировать проще всего. Поэтому бездуховность - необходимый спутник технократизма. Волны технократического мышления распространяются на все слои общества. Некоторые историки

(в первую очередь вспоминается А. Тойнби) видят причину целостности социума в культурном факторе - в механизме подражания масс духовным элитам. Заслуги крупных учёных налагают на них большую ответственность. Строгая сциентическая рациональность может исказиться до неузнаваемости, спустившись с научного Олимпа и сделавшись руководством к действию для "безымянных солдат" цивилизации. Она вполне может принять форму грубого утилитаризма, отравляющего живые источники человеческого счастья и подрывающего основы сотрудничества.

Искусственный интеллект пока не создан, но если он возникнет, то будет, по-видимому, трудно отличим от своего "постчеловеческого" современника. Такой прогноз не может радовать мыслящих людей. Поэтому на пути мертвящего, разъедающего дух науки поветрия должен быть поставлен заслон. Наука должна пересмотреть свои основания, отказаться от "медвежьей услуги" сциентизма и тем самым вернуть к себе доверие морального большинства и духовной элиты народа. Новая научная рациональность не будет изменой духу науки; напротив, человеческое измерение сможет придать науке глубину и динамичность.